

Сергей Юрьевич Бытко

*Доцент кафедры уголовного права и процесса Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: sergej-bytko@yandex.ru*

Единообразное понимание понятия «уголовная ответственность» как проявление правовой культуры

Аннотация: уголовная ответственность является одним из важнейших понятий в уголовном праве. Данный термин законодатель использует в ряде статей, однако его легального определения в уголовном законе нет. В связи с этим в теории существует давний спор относительно сущности данного явления, его признаков и форм реализации. В данной статье предпринимается попытка определить сущность данного феномена через историю развития отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, кара, наказание, история уголовного законодательства.

Sergey Yuryevich Bytko

Associate Professor of Criminal law and process of the Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice in Saratov, Candidate of legal science, Associate professor

A Uniform Understanding of the Concept of «Criminal Responsibility» as a Manifestation of Legal Culture

Annotation: criminal liability is one of the most important concepts in criminal law. This term is used by the legislator in a number of articles, however, the criminal law lacks its legal definition. In this regard, in theory there is a long-standing dispute about the nature of this phenomenon, its characteristics and forms of implementation. This article attempts to define the essence of this phenomenon through the history of development of the domestic criminal law.

Keywords: criminal responsibility, retribution, punishment, history of criminal law.

Единообразное применение специфических правовых терминов является неотъемлемым элементом высокой правовой культуры. К сожалению, в уголовно-правовой теории сложилась ситуация, когда одно из важнейших понятий уголовного права — «уголовная ответственность» — не имеет единообразного толкования. Она отождествляется с уголовно-правовыми

санкциями¹, с государственно-принудительным воздействием², с обязанностью лица, совершившего преступление, подлежать действию уголовного закона³, отвечать перед государством за содеянное⁴. В последнем случае ее иногда дополняют обязанностью нести за совершение преступления определенный личный или имущественный ущерб, указанный в санкции соответствующей нормы уголовного закона⁵. Иногда уголовная ответственность понимается не только как наличная обязанность претерпеть отрицательные последствия противоправного поведения, но и как реальное их претерпевание⁶, вытекающее из требований уголовного закона осуждение лица с применением предусмотренных законом мер уголовно-правового воздействия⁷.

А. И. Парог рассматривает уголовную ответственность как комплексное явление, состоящее из основанной на нормах уголовного закона и вытекающей из факта совершения преступления обязанности лица дать отчет в содеянном перед государством в лице его уполномоченных органов; выраженной в судебном приговоре отрицательной оценки (осуждения, признания преступным) совершенного деяния и порицания лица, совершившего это деяние; назначения виновному наказания или иной меры уголовно-правового характера; судимости как последствия осуждения с отбыванием назначенного наказания⁸.

По мнению А. В. Наумова, под уголовной ответственностью следует понимать все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление (включая в формы ее реализации и принудительные меры медицинского характера)⁹.

Наконец, имеется точка зрения, в соответствии с которой уголовная ответственность — это выраженная в приговоре суда отрицательная оценка общественно опасного деяния и порицание лица, его совершившего¹⁰.

Полагаем, что при таком многообразии различных позиций формулирование собственной на основе критики предшественников будет малоэффективным. Полезнее будет, на наш взгляд, обратиться к истории появления рассматриваемого понятия в уголовном законодательстве.

¹ См.: Самощенко И. С. К вопросу о причинности в области юридической ответственности // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 364; Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 9.

² См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1992. С. 48–49; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Саратов, 1997. С. 27–28; Курс уголовного права. Т. 1: Общая часть. Учение о преступлении. М., 2002. С. 190.

³ См.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 25.

⁴ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1982. С. 77.

⁵ См.: Пионтковский А. А. Курс Советского уголовного права. М., 1970. Т. 3. С. 7; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 31.

⁶ См.: Курс советского уголовного права. Т. 1. Л., 1968. С. 222–223; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1988. С. 23; Ковалев М. И. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. С. 121.

⁷ См.: Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 30.

⁸ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Парога. М., 2004. С. 47.

⁹ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 246.

¹⁰ См.: Тихонов В. К. Субъективная сторона преступления. Саратов, 1967. С. 39–44; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 163; Осипов П. П. Теоретические основы построения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 51.

В дореволюционном отечественном уголовном законодательстве термин «уголовная ответственность» не встречался.

На начальных этапах становления советского уголовного законодательства, когда уголовно-правовая терминология еще не сформировалась, термин «уголовная ответственность» также не использовался. Законодатель обозначал применение уголовного законодательства терминами «наказание» или «уголовная репрессия». Так, например, Постановление СНК РСФСР от 19 сентября 1918 г. называлось «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и малоценных посылок».

В статье 2 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. уголовная репрессия толковалась как синоним уголовного наказания: «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)».

Термин «ответственность» впервые появился в уголовном законодательстве в УК РСФСР 1922 г. При этом его применение носило ограниченный характер: он встречался лишь в ст. 141 и 207 УК РСФСР 1922 г. и выступал в качестве синонима термина «уголовное наказание». В частности, в соответствии со ст. 141 «Нарушение правил о торговле теми или другими продуктами или изделиями, в тех случаях, когда в них установлена ответственность по суду, карается лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже шести месяцев или штрафом до 500 руб. золотом».

Комплексный анализ соответствующих правил торговли и положений УК РСФСР 1922 г. показывает, что термины «ответственность», «уголовная ответственность» и «наказание» рассматривались как синонимы. В качестве синонимичных использовались также словосочетания «привлечь к ответственности» и «покарать», означавшие буквально «назначить наказание». Так, в УК РСФСР 1922 г. во всех статьях Особенной части диспозиция соответствующих норм заканчивалась словом «карается», после чего в санкции перечислялись меры социальной защиты. Отсылка, содержащаяся в ст. 141, к правилам торговли «...когда в них установлена, ответственность по суду...» показывает равнозначное использование в соответствующих правилах терминов «привлекается к уголовной ответственности» и «карается». Например, в п. 6 Постановления Народного комиссариата здравоохранения РСФСР от 13 ноября 1922 г. «О дополнении и изменении инструкции о праве открытия и производства торговли медикаментами» предусматривалось, что «... за несоблюдение... правил владельцы предприятий привлекаются к уголовной ответственности по ст. 141 Уголовного кодекса», а в п. 6 Декрета СНК РСФСР от 2 января 1923 г. «О мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий» «нарушение правил... карается применительно к ст. 106 Уголовного кодекса в отношении должностных лиц и ст. 141 Уголовного кодекса в отношении частных лиц»¹.

¹ Любопытно, что в отдельных правилах торговли встречаются термины, позаимствованные позже уголовно-правовой теорией. В частности, речь идет о понимании уголовной ответственности как обязанности «ответить перед государством».

В основных началах уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1924 г. встречаются словосочетания «ответственность по уголовному закону» (ст. 1), «ответственность» (ст. 3), «уголовная ответственность» (прим. 3 к ст. 10), судебная ответственность за совершение определенного преступления (ст. 22).

Такая терминологическая несогласованность свидетельствует о том, что термин «уголовная ответственность» в этот период не был теоретически проработан и не выступал еще в качестве самостоятельного института уголовного права, рассматриваясь в качестве синонима мер социальной защиты (наказания).

В УК РСФСР 1926 г. терминология используется более строго. Пожалуй, впервые на уровне законодательства можно говорить о системном применении термина «уголовная ответственность». Что касается причин его включения в законодательство, то, во-первых, под влиянием идей социологической школы права произошел отказ от понятия наказания. Если в УК РСФСР 1922 г. термин «наказание» отождествляется с мерами социальной защиты (в частности, ст. 8 начиналась словами: «наказание и иные меры социальной защиты применяются...»), то по УК РСФСР 1926 г. законодатель использует для обозначения уголовной репрессии только термин «меры социальной защиты». Возникла необходимость в замене терминов «наказывается», «карается», поскольку они не укладывались в новый смысловой ряд, связанный с применением мер социальной защиты.

Во-вторых, в УК РСФСР 1926 г. под влиянием идей социологической школы права окончательно утвердилась существовавшая до этого в отечественном законодательстве неразрывная однозначная связь «преступление — наказание». Это проявлялось в следующем: с одной стороны, основанием для применения мер социальной защиты в соответствии со ст. 7 УК 1926 г. выступало не только совершение преступления, но и опасность отдельных лиц, обусловленная их связью с преступной средой или прошлой деятельностью. С другой стороны, уголовная репрессия перестала быть единственным правовым последствием совершения преступления. Наряду с этим лицо могло быть полностью освобождено от применения к нему мер социальной защиты (ст. 8 УК РСФСР 1926 г.) либо осуждено условно (ст. 53). Возникающая многозначность совершенно различных по своей юридической природе отношений между множествами юридических фактов «на входе» уголовно-правовой системы и уголовно-правовых последствий «на выходе» обусловила потребность в новом термине, означавшем, что между деятелем и государством возникли уголовно-правовые отношения. Полагаем, что именно в таком качестве и был употреблен в УК РСФСР 1926 г. термин «уголовная ответственность». Привлечь лицо к уголовной ответственности означало, с одной стороны, установить наличие достаточных оснований для применения уголовно-правовых мер, а с другой — дать разрешение на их применение.

В условиях, когда суд мог принять противоположные по своему содержанию решения в виде назначения лицу мер социальной защиты или освобождения от них, невозможно было наполнить термин «уголовная ответственность» каким-то реальным содержанием в виде прав, обязанностей, специфических мер, применяемых к виновному. В противном случае мы были бы вынуждены

констатировать, например, что уголовная ответственность состоит как в назначении виновному мер социальной защиты (наказания), так и в освобождении от них. Очевидно, что практическая ценность такого определения крайне невысока и приблизительно соответствует информационной емкости такого сообщения: снег за окном идет или не идет.

Полагаем, что единственно верным для понимания термина «уголовная ответственность» будет отказ от признания за ним реального содержания. Его сущность — в акцентировании внимания на формальном юридическом моменте: признании лица судом виновным в совершении преступления в обвинительном приговоре.

Термин «меры социальной защиты» не прижился в уголовном законодательстве. Причины этого, как указывал А. А. Герцензон, состояли в том, что замена понятия «наказание» на понятие «меры социальной защиты» не была обусловлена необходимостью и могла привести к «известным заблуждениям и ошибкам», поскольку аналогичный термин использовался в буржуазном уголовном законодательстве¹. Полагаем, что, говоря об «известных заблуждениях и ошибках», автор имеет в виду категорическую негативную оценку деятельности криминологов, обвиненных в ломброзианстве и биологизации причин преступности в известной статье С. Я. Булатова².

Удар по криминологии рикошетом задел и уголовное право, следствием чего стал возврат в уголовное законодательство в 1934 г. термина «наказание», в отдельных статьях УК вновь стало употребляться выражение «деяние карается». Вместе с тем понятие «уголовная ответственность» сохранилось. Начиная с этого периода оно существовало в законодательстве рядом с термином «кара», что, по всей видимости, и дало будущим поколениям теоретиков повод связать эти два понятия.

Между тем к сущности уголовной ответственности отказ от термина «меры социальной защиты» и реабилитация термина «наказание» ничего нового не добавили в смысле имеющейся многозначности отношений между множествами оснований применения уголовно-правовых мер и их конкретных реализаций. Более того, в УК РСФСР 1960 г. спектр мер уголовно-правового воздействия расширился. Помимо освобождения от наказания (ст. 50) появляется условное осуждение (ст. 44), отсрочка исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время (ст. 46), отсрочка исполнения приговора (ст. 46.1), отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним (ст. 63).

Таким образом, лицу, признанному виновным в совершении преступления, могло быть назначено наказание, либо наказание назначалось условно, предоставлялась отсрочка его исполнения, применялись принудительные меры воспитательного характера, или лицо вообще освобождалось от наказания. Как видим, уголовно-правовые последствия совершения преступления были

¹ См.: История советского уголовного права / А. А. Герцензон и др. М., 1948. С. 321.

² См.: Булатов С. Я. Возрождение Ломброзо в советской криминологии // Революция права. 1929. № 1. С. 42–61.

весьма различными по объему ограничений, а в случае освобождения от наказания не сопровождались ограничениями вообще, что, по нашему мнению, свидетельствует в пользу тезиса о невозможности наполнить термин «уголовная ответственность» фактическим содержанием.

Любопытно, что в УК РСФСР 1960 г. появилась формулировка «освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности» (ст. 48). Ранее в ст. 14 УК РСФСР 1926 г. говорилось, что с истечением сроков давности «уголовное преследование не может иметь места», а в ст. 21 УК РФ — что по истечении сроков давности «наказание не применяется».

Полагаем, что в эволюции уголовно-правовой терминологии отразилось последовательное расширение спектра мер воздействия на преступника в отечественном уголовном законодательстве, обусловившее потребность в новом термине, символизирующем наличие правовых оснований для их применения.

В подобных условиях объединить противоположенные по объему ограничений меры уголовно-правового характера в рамках одного понятия нам представляется весьма проблематичным. Поэтому полагаем, что привлечение к уголовной ответственности означает факт признания судом лица виновным в совершении преступления. Иного содержания данное понятие не имеет.

Пристатейный библиографический список

1. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть / Р. Р. Галиакбаров. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. аграрн. ун-та, 1999. — 280 с.
2. История советского уголовного права / А. А. Герцензон и др. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. — 469 с.
3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть / А. В. Наумов. — М. : БЕК, 1997. — 560 с.
4. Тихонов, В. К. Субъективная сторона преступления / В. К. Тихонов. — Саратов : Приволжское книжное изд-во, 1967. — 103 с.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. М. : Юристъ, 2004. — 671 с.

References

1. Galiakbarov, R. R. Uголовное право. Obshhaja chast' [Criminal Law. Special Part] / R. R. Galiakbarov. — Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. agrarn. un-ta, 1999. — 280 p.
2. Istorija sovetskogo ugovalnogo prava / A. A. Gercenzon i dr. [The History of the Soviet Criminal Law / A. A. Gertsenzon et al.] — M. : Jurid. izd-vo MJu SSSR, 1948. — 469 p.
3. Naumov, A. V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshhaja chast' [Russian Criminal Law. Special Part] / A. V. Naumov. — M. : BEK, 1997. — 560 p.
4. Tihonov, V. K. Sub'ektivnaja storona prestuplenija [The Subjective Side of a Crime] / V. K. Tihonov. — Saratov : Privolzhsкое knizhное izd-vo, 1967. — 103 p.
5. Uголовное право Rossii. Chasti Obshhaja i Osobennaja / pod red. A. I. Raroga [Criminal Law of Russia. General and Special Parts / under the editorship by A. I. Rarog]. M. : Jurist, 2004. — 671 p.